

Феликс Кохрихт

«Итак, я жил тогда в Одессе...»

...Июнь в 1826 году выдался теплым, окно в кабинете граф оставил открытым и принялся разбирать бумаги, доставленные из столицы. И тут странное жужжание возникло откуда-то с высоты. Михаил Семенович покинул кабинет и через анфиладу залов, минуя задремавшего ординарца, путаясь в выходах (еще не привык к недавно выстроенному дворцу) вышел во двор. Близкое море напоминало о себе шелестом волн, а вот жужжание стало погромче. Он взглянул на вечернее небо (было около 22 часов) и увидел над белоснежной колоннадой четыре разноцветных огонька, перемещающиеся ловко и быстро. Их маневры имели неожиданный эффект: на колоннах возникли тени, в которых угадывались люди, танцующие в большом зале, сходям

с дворцовым, под дивную музыку оркестра, над которым властвовал рояль. Постепенно изменился и привычный двор с конюшней и колодцем: он превратился в амфитеатр под открытым небом, заполненный публикой, – их одежда показалась графу непривычной, но более всего заинтересовал его пианист за белым роялем, стоящем на сцене. Генерал-губернатор, герой войны с Наполеоном, был пленен Музыкой.

Она и рождала картины, возникающие на колоннах, и чудесным образом управляла полетом светящегося квадрата в темнеющем небе...

Среди танцующих в бальном зале было много военных, и генерал Воронцов углядел, что есть в их экипировке некие огрехи: не тот эполет, орден не на месте, а вот дамы, особенно та, чье прелестное лицо возникало чаще других, были ну точно такие, как на недавнем балу в их с Елизаветой Ксаверьевной новом дворце...

И тут огоньки стремительно понеслись в сторону лиманов, жужжание стихло, колоннада погрузилась в темноту... Волшебная музыка чуть слышалась, зато совсем рядом кто-то произнес на близком с детства английском: «Опен-эйр удался!»...

Граф вновь оказался в знакомом дворе: на конюшне лошади хрустели сеном, молодой месяц отражался в прохладной воде колодца.

Он вернулся в кабинет, размышляя о таинствах природы, почему-то вспомнил рассказы отца о Калиостро и Сен-Жермене, о диковинных проектах Леонардо да Винчи – аппаратах, парящих в небе...

Решил ничего не рассказывать жене. Открыл потаенную тетрадь и записал то, что видел и слышал, почему-то не удивляясь происшедшему с ним в юном южном городе.

Под утро графу приснился (уж совсем некстати) молодой, но самонадеянный чиновник, сосланный из Петербурга к нему – на исправление, и, слава Богу, отбывший восвояси. Он и во сне не занимался службой, а читал свои стихи:

Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса

Объемлет небо. Все молчит;
Лишь море Черное шумит...

...Примерно в 22 часа 10 июня 2016 года в небе над Одессой произошло искривление пространственно-временного континуума, в результате которого дрон, проецировавший изображение-визуализацию проекта Алексея Ботвинова «Музыка любви», перенесся в прошлое...

И граф Воронцов увидел и услышал вальс Наташи Ростовской с пленительной Одри Хепберн в главной роли...

Никто из нас, заполнивших пространство у колоннады Воронцовского дворца, этого не заметил. К счастью, в этот вечер не было дождя.

P. S.

Эти заметки (но без заголовка) были мною опубликованы в июне нынешнего года в ФБ – в разделе «Odessa classics», в котором сообщалось о событиях Второго фестиваля высокой музыки.

Я рассказывал о только что состоявшемся гала-концерте опер-эйр у колоннады Воронцовского дворца, который, по моему мнению, стал ярким символом действия, придуманного и осуществленного Алексеем Ботвиновым.

Напомню, что его выступление-фантазия «Музыка любви» сопровождалось визуализацией шедевров лирики с использованием самых современных технических средств.

Кроме личных впечатлений я добавил в текст еще и те, что в силу таинственных обстоятельств (изменения пространственно-временного континуума) тогда же настигли выдающегося одессита – хозяина дворца, гостеприимно принявшего нас в этот вечер, Михаила Семеновича Воронцова. Поскольку я тогда

не имел права раскрыть источник, в котором содержались заметки графа, – его потаенную тетрадь, – изложенное мною напоминало фантастический рассказ, и было так и воспринято теми, кто поставил под ним «лайки» и даже сердечки.

Лишь недавно лицо, обнаружившее эту тетрадь в Воронцовском фонде научной библиотеки Одесского университета имени Мечникова, нехотя, но все же согласилось на некоторую огласку: я увидел (в его руках) тетрадь в сафьяновом переплете и копию записок Михаила Семеновича, сделанную, увы, на ксероксе с «конченым» картриджем...

И все же почерк генерал-губернатора узнавался, а заголовок поверх первой фразы – отчетливо. Он, несомненно, был сделан светлейшим князем Воронцовым гораздо позже, незадолго до его кончины в 1856 году.

Спустя 30 лет Михаил Воронцов вслед за досаждавшим ему строптивым молодым поэтом, которого пережил почти на 20 лет, подвел итог лучших дней их жизни. Он озаглавил свои потаенные заметки его строкой, которую мы имеем счастье повторять:

Итак, я жил тогда в Одессе...

